

ПУБЛИЦИСТИКА Е. И. ЗАМЯТИНА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ СОВРЕМЕННОК»

Е. В. Сарафанова

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Поступила в редакцию 15 сентября 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются публикации Е. И. Замятина на страницах журнала «Русский современник», который оценивался как единственный представитель «живой» публицистики. Анализу подвергается специфика выражения авторской позиции в «Записках Онуфрия Зуева».

Ключевые слова: публицистика, Замятин, сатирическая заметка, «Русский современник».

Abstract: E. I. Zamyatin was estimated as the only representative of the “alive” social and political journalism. On the pages of the magazine some of his publications are considered. The specificity of expression of the author’s attitude is analysed in “Onufriy Zuev’s notes”.

Key words: social and political journalism, E. I. Zamyatin, satirical note, “Russian contemporary”.

В 1924 году в Ленинграде издавался журнал «Русский современник». Всего выпущено четыре книги, разрешение на издание было получено в феврале, а в мае вышел первый номер журнала. Как отмечалось редакцией, журнал издавался «при ближайшем участии М. Горького, Е. Замятина, А. Н. Тихонова, К. Чуковского, А. Эфроса» [1; 208–210]. У наших соотечественников за рубежом появление нового издания не вызвало особого восторга. М. Осоргин: «Является ли журнал «Русский современник» большим событием в литературной России? По-видимому, нет. Он по необходимости бледен, как рожденный на почве нездоровой. В отличие от других, ярких определенностью подбора и смелостью дозволенных суждений он «как-то ...застенчив» [2; 429]. Позже, вероятно «вчитавшись» в следующие номера, Осоргин увидел целый ряд достоинств журнала, назвал его первым опытом «живой публицистики» в Советской стране. При этом в заслугу редакции он поставил «независимую, т. е. верную «в текущих условиях» тактику: «не забегать вперед и не стремиться приспособиться и снискать особое расположение начальства». Самым, пожалуй, значимым и перспективным качеством журнала строгий критик считал отсутствие «политических изгородей» для новейшей русской литературы, руководство исключительно критерием художественности» в отборе публикуемых текстов [3; 360–364]. Именно эта линия журнала, вероятно, и не нравилась советским «собратьям по перу». «Русский современник» подвергался постоянным нападкам со стороны тех, кто пел дифирамбы новой революционной реальности, журналов «Большевик», «Красная Новь», «Октябрь», «Советская Сибирь», «Прожектор», «Звезда», газеты

«Правда». Позиция «официальных» изданий понятна: новый частный журнал явно выбивался из общего русла советской публицистики, а потому клеймился как «нэпмановский», оппозиционный, враждебный. В журнале, действительно, все, начиная от названия и заканчивая «слишком вольным» содержанием, выглядело непривычно.

«Русский современник» не случайно выбрал такое название. Его сотрудники подчеркивали тем самым продолжение традиций Пушкина в отечественной журналистике: ориентацию на литературно-художественный статус, внешнюю аполитичность, отбор самого лучшего в современной российской словесности.

Позицию редакции во многом выражала публицистика Е. Замятина. Во втором номере журнала помещена его статья «О сегодняшнем и современном», в которой анализировались новинки советской литературы. Писатель мастерски разбирал достоинства и недостатки произведений Серафимовича, Сергеева-Ценского, М. Булгакова, К. Федина и других авторов. Но не столько выражение своего отношения к частным случаям волновало Замятина, ему принципиально было воплощение идеи первостепенности, самодостаточности искусства слова в противовес сложившейся уже тенденции на его прикладное к политике значение. Эта пагубная логика делала, по мнению писателя, литературу заложницей «сегодняшнего». Художник призывал оценивать произведение слова категорией «современности». «Сегодняшнее» и «современное», – отмечал он, – величина разных измерений; у «сегодняшнего» – практически нет измерения во времени, оно умирает завтра, а «современное» – живет во временных масштабах эпохи. Сегодняшнее – жадно цепляется за жизнь, не разбирая средств: надо то-

ропиться – жить только до завтра. И отсюда в сегодняшнем – непереносимая юркость, угодливость, легковесность, боязнь копнуть на вершок глубже, боязнь увидеть правду голой. Современное – стоит над сегодня, оно может с ним диссонировать, оно может оказаться (или показаться) близоруким – потому что оно дальнорукое, оно смотрит вдаль. От эпохи – сегодняшнее берет только окраску, кожу, это закон мимикрии; современному – эпоха передает сердце и мозг, это закон наследственности» [4; 152–153].

Основополагающий закон «Русского современника» пришелся «не ко двору» пролетарской критике. В статье «Единый фронт буржуазной реакции» Г. Горбачев писал, что у Замятина «выявлено вполне определенное враждебно-презрительное отношение к литературе, коль скоро она рассматривает себя «как новый вид оружия» в классовой борьбе, как проводник революционных идей и настроений» [4; 582]. Подобные замечания были не единственными. Своим оппонентам писатель отвечал статьей «Перегудам» от редакции «Русского современника» (№ 4, 1924). Перед читателем возник образ Оноприя Опанасовича Перегуда, известный по произведению Н. С. Лескова «Заячий ремиз». В традициях отечественной журналистики XIX века (Пушкина, Салтыкова-Щедрина) апеллирует к уже известному, проецирует его на современность и рассматривает нынешнюю вариацию заявленной ранее проблемы. Именно проблема, особенность социальной психологии, точнее определенной ее части, «отыскивать и предоставлять по начальству» «потрясателя основ» – вот что актуализирует писатель в современной советской «критике». Язвительно, с большей степенью издевки над бездарными политиками от искусства, в их формате он за каждой строкой пушкинских стихов («Я помню чудное мгновенье») находит происки «нэпманской» несознательности, мечты о буржуазной свободе. Замятин в очередной раз подчеркивает приверженность редакции журнала идее «большой литературы», ориентированной не на «сейчас», а на «современность», т. е. на «завтра».

Критикам «Русского современника» писатель отвечал и материалами, которые публиковались в последнем разделе журнала под названием «Паноптикум». Считалось, что это самая острая, сатирически полемическая часть журнала, представленная в виде «Тетради примечаний и мыслей Онуфрия Зуева». Шаржированные изображения нелепостей окружающей жизни позволяет Замятину завуалированно выражать свое неприятие происходящего. Эпиграф, взятый из стихотворения А. Блока «Клеопатра» (цикл «Город»), дает возможность воплотить скрытые аллюзии автора. Блоковская антитеза прежнего величия царицы и теперешней вседозволенности взирать на нее перекликается с идеей Замятина о литературе: ее былой масштабности

и настоящем измельчании. Последнее коснулось основ – литературного языка.

Зоркий взгляд писателя и взыскательного критика улавливает «речевые ляпы», в большом количестве встречавшиеся на страницах социалистической прессы и новых художественных произведений. К примеру, в «Воспоминании о дяденьке» заслуженной издевке подверглась цитата из романа «Хромой барин» А. Толстого: «Скотница, сидя на скамейке под коровой, доила **парное** молоко». Замятинский Онуфрий вспоминает в этой связи о своем дядюшке, который тоже «соблюдал в выражениях большую точность» и говорил: «А ну-ка, принеси мне **мокрой** воды стаканчик» [5; 481]. За речевыми «неточностями», конечно же, стоят авторские недоработки: словесное переигрывание, небрежное отношение к сути вещей. Именно эти неявные факторы бичует Замятин.

В заметке «Нечто для молодых хозяек» обыгран фраза «сочинителя Б. Пильняка»: «повар развешивал по утрам соленую баранину для бекена». Онуфрий Зуев обращается к о. Павлу Щеголеву с просьбой пояснить ему значение слова «бекен» и узнает, что это «свиное сало». Тогда сразу рождается «рецепт» приготовления «свиного сала из простейшей баранины» [5; 481].

Вторая группа тем, подвергшихся осмеянию писателем, – фактические ошибки, допущенные авторами и издателями. В заметке «Нотабене»: «сообщить куда следует (что бывший князь укрывается под чужой фамилией) указано на неточность в установлении авторства стихотворения, цитируемого в «Детстве» Горького. Писатель ссылается на «(бывшего) князя Вяземского», а Замятин находит эти строки у И. С. Никитина. Поэтому сделан пощедрински едкий вывод: «под фамилией Никитина преступно укрылся бывший князь, дабы избежать народного гнева» [5; 480]. Как хлестко: и Горькому досталось, и советской идеологии «поиска врагов».

Еще одна тема сатирических зарисовок Замятина – так называемые «научные открытия», сделанные его язвительным «корреспондентом», на основе современных публикаций. Так, в журнале «Хочу все знать» Онуфрий обнаружил сведения о том, что «Казбек и Эльбрус — действующие вулканы» [5; 485], пришел в недоумение, но вскоре выстроил «научную гипотезу»: «Погода и до того доживем, что из Воробьевых гор вулкан забьет» [5; 486].

Восторженно встретил Онуфрий Зуев очередное изобретение, о котором сообщил писатель В. Лидин в сборнике «К новым берегам». Оно свидетельствует о «полной победе нашей техники», т. к. «были посланы две радиоантенны» [5; 501]. Искренне радуясь случившемуся, замятинский герой рассуждает: «Когда по воздуху слова посылают – это дело плевое, потому что в слове – сколько в нем весу? А вот ежели дошли, что посылают уже не слова, а тяжелые по-

добные предметы вроде антенн, – вот это я понимаю» [5; 501]. Замятину – человеку технически подкованному – подобные «научные» свидетельства, конечно же, смешны и горьки одновременно.

В прессе 1920-х годов много говорилось о русских писателях «из бывших», впрочем, как и обо всем «бывшем», а значит, «ненужном», «свернутом», в том числе о Пушкине и «полезности» его творчества для «строительства социализма». Появились целые исследования, слишком вольно трактовавшие жизнь и произведения первого поэта России. Замятин не мог обойти вниманием «новое» прочтение Пушкина и посвятил этому несколько своих заметок: «Сведения из быта херувимов», «Нечто о пользе Пушкина», «Рассуждения о науке», «Нотабене: на случай экспромтов», «Нечто о молодости», «Примечание в смысле пушкинского «Пророка», «Нотабене: сообщить в уважаемую редакцию «На посту». Вот, к примеру, одно из открытий в пушкинистике, поразивших Замятина и его героя: «александрийский стих – есть стих Александра, т. е. Пушкина» [5; 501]. Писатель в русле подобных утверждений выстраивает свой ассоциативный ряд: «город Александрия – есть город Александра, т. е. Пушкина, и здесь вдобавок египетское пророчество о рождении великого поэта земли русской» [5; 501].

В 3 номерах «Русского современника» Замятиным было опубликовано больше 40 «примечаний и мыслей Онуфрия Зуева». «Спрятавшись» за своего простоватого и наивного персонажа, говорящего народным живым языком, писатель сумел не только сатирически представить многие черты современной ему литературы и журналистики, но, как будто «невзначай», выставить напоказ идейные, политические проблемы социалистической действительности, проблемы «нового мировоззрения», «нового образа жизни». Каждая из миниатюр имеет явную публицистическую направленность. Сатира «малых форм» придавала ей хлесткость и емкость, высокую степень обобщения, хотя касалась вполне конкретных фактов. При том, что многие ситуации, диалоги героев смоделированы автором, все-таки создается эффект правдоподобия. Как профессиональный журналист Замятин строго опирался на подлинные источники: в каждом тексте указаны выходные данные издания, в котором обнаружены «погрешности», фамилия их автора, невзирая на лица и звания. Здесь М. Горький, А. Толстой, В. Брюсов, Б. Пильняк. А в одной из миниатюр фигурирует писатель Замятин, который придумывает фразы «нарочно, в пику» («Нотабене: еще сообщить куда следует»).

Целенаправленно создается впечатление некой отстраненности реального художника от Онуфрия Зуева – автора записок. Сам Замятин, как все, может быть подвержен «уколам» любознательного героя – «рассказчика и аналитика». Он может соглашаться

или не соглашаться с представленным мнением и давать свои комментарии в форме редакционного подстрочника («Переворот судьбы 16 мая», «Нечто о пользе Пушкина», «Рассуждения о науке» и др.). Ощущение присутствия писателя создается за счет различных намеков, «случайно» оброненных слов, упомянутых реалий современной действительности. Интересны неоднократные повторы «нотабене», которые автор расставляет на полях своих «примечаний». В них несколько раз одно и то же напоминание — «сообщить куда следует». Не надо быть искушенным читателем, чтобы понять намеки Замятина на атмосферу 1920-х годов: постоянный поиск врагов Советской власти, неусыпная политическая бдительность со стороны партийной верхушки, недавно созданной милиции к всякого рода проискам «бывших» или «примазавшихся попутчиков», а также искреннее убеждение советских граждан в том, что доносы помогут очистить страну от буржуазных элементов, мешающих строить новую жизнь.

Присутствие и позиция автора проявлены в самом выборе фактов одним из важнейших этапов создания публицистического текста. Замятин прекрасно ориентируется в современной ему литературной ситуации (знает журнальные, газетные материалы, новинки художественной, научной литературы), которые служат источником его сатирических заметок и комментариев. Писатель «не лезет» в политику, он переживает за состояние той сферы жизни, которая наиболее близка ему. Своими острыми выпадами в сторону братьев-словесников он стремится привлечь внимание к вопросам качества современного «литературного продукта», к проблемам редакционной и издательской культуры.

Желавший служить, но не прислуживаться, Замятин плохо вписывался в общий публицистический контекст 1920-х годов. Вместе с тем как истинный «сын Отечества» он не мог молчать о тех вопиющих фактах «насилия» над русским словом, литературой, которые возводились в норму, становились эталоном «нового», образцом для подражания. В самих способах и формах выражения авторской позиции писатель принципиально расходился с конъюнктурными советскими «сатириками». Произведения Замятина, опубликованные в «Русском современном», были созданы в русле «народно-смеховой культуры», в лоне которой сформировался его уникальный дар [6; 47]. В «Записках Онуфрия Зуева» отчетливо проявились связи с традициями русского фольклора, где, по верному замечанию М. М. Бахтина, «смех обладает замечательной силой приближать предмет» [7; 466], делать смешными нелепости жизни. Бахтин писал: «Смех уничтожает страх перед предметом, перед миром, делает его предметом фамильярного контакта и этим подготавливает абсолютно свободное исследование его. Смех – существеннейший фактор в создании той предпосыл-

ки бесстрашия, без которой невозможно реалистическое постижение мира» [7; 466].

Для Замятина смех становится способом освобождения от давления революционной цензуры. Вложенный в уста народного персонажа Онуфрия, он в определенной мере является прикрытием для самого писателя. Нелепые ситуации, с которыми сталкивается герой, лишь на первый взгляд могут казаться случайными. На самом деле Замятин представляет их в целом как следствие противоречий действительности, волюнтаризма руководящих структур, политизации жизни, пагубно отражающихся на духовной составляющей общества. Такие болезненные аномалии писатель клеймит здоровым смехом. С точки зрения «градации в проявлении сатирического пафоса» произведения из «Тетради примечаний Онуфрия Зуева» могут быть, на наш взгляд, охарактеризованы как «сатирические заметки» [8; 143]. Подобное воплощение авторского сознания обнаруживаются в «Записных книжках» писателя разных лет, где представлены «однофразовые остроты», фиксирующие подлинные жизненные ситуации, часто открыто политического характера. «Паноптикум» по своим настроениям, по «духу» времени, отраженному писателем, созвучен публицистическим выступлениям Замятина, носящим развернутый характер.

Своей «нехудожественной» деятельностью Замятин определил себя в стан оппозиции, вряд ли способной морально адаптироваться формам советского жизнеустройства. Писатель заявил о себе как публицистически мыслящий художник. Отсюда

его деятельность на журналистском поприще. Не вдаваясь в политику, но прекрасно чувствуя политический дух времени, Замятин говорил о проблемах творчества, которое понимал широко, видел во всем: и в литературе, и в строительстве новой жизни. Говорил образно и сатирически остро.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудакова М. Новые автографы Пастернака / М. Чудакова // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 32. – Москва, 1971. – С. 208–210.
2. Осоргин М. А. Рецензия на журнал : Русский современник : Литературно-художественный журнал / М. А. Осоргин // Современные записки. – Ленинград, 1924. – № 1. – Кн. XX : Критика и библиография.
3. Осоргин М. А. Российские журналы / М. А. Осоргин // Литература русского зарубежья : Антология. – Т. 1. – Кн. 2. – Москва : Книга, 1990.
4. Замятин Е. И. Собр. соч. : В 5 т. / Е. И. Замятин. – Т. 3 : Лица. – Москва : Русская книга, 2004.
5. Замятин Е. И. Избранные произведения / Е. И. Замятин / [сост., вступ. ст., коммент. Е. Б. Скороспеловой]. – Москва : Сов. Россия, 1990.
6. Полякова И. Е. «Смеховой мир» Е. И. Замятина в контексте народной праздничной культуры : дисс. ... к. ф. н. / И. Е. Полякова. – Елец, 2009.
7. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1975.
8. Лазутина Г. В. Жанры журналистского творчества / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. – Москва : Аспект Пресс, 2011.

*Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
Сарафанова Е. В., ассистент кафедры теории и истории
русской литературы
E-mail: evsarafova@gmail.com*

*Yelets State University of I. A. Bunin, Russia
Saraphanova El. V., Assistant of the Science and History of
Russian Literature Department
E-mail: evsarafova@gmail.com*